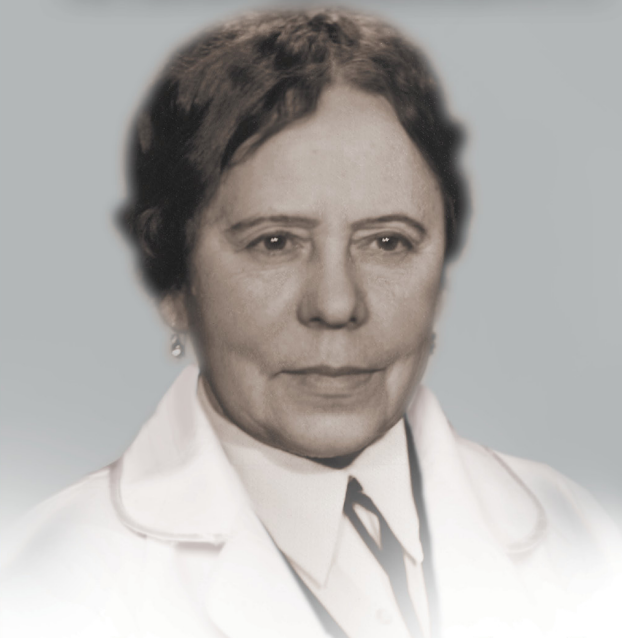

МЕДИЦИНСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Л. БОГДАНОВИЧ

ЗАПИСКИ ПСИХИАТРА

— ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ —

Лидия Анатольевна Богданович
Записки психиатра
Серия «Медицинский
бестселлер (АСТ)»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32825486

Записки психиатра: Издательство АСТ; М.; 2018

ISBN 978-5-17-108293-2

Аннотация

Книга кандидата медицинских наук Л. А. Богданович, «Записки психиатра» – это классика медицинского документального романа, куда вошли невероятно увлекательные очерки о буднях молодого врача пришедшего работать в психиатрическую клинику. Почти невыполнимые задачи, запутанные диагнозы, казалось бы безнадежные пациенты... Психиатрическая клиника – это особое место, где под силу работать только беззаветно преданному своему делу врачу. Кем и была Лидия Богданович. «Записки психиатра» – практически единственная книга, которую изучают в медицинских вузах, и при этом взахлеб читают далекие от этой области люди.

Содержание

Предисловие	5
На распутье	7
Попутчики	23
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Лидия Анатольевна
Богданович
Записки психиатра**

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Я никогда не писала предисловий к книгам. Я – технарь, а моя мама – Лидия Анатольевна Богданович, автор книги «Записки психиатра», была врачом-психиатром, да еще и с литературным образованием.

Я знакома с миром психиатрии не понаслышке, т. к. практически выросла в отделения наших психиатрических больниц (мама часто брала меня с собой на работу), и этот мир с детства видела изнутри. Почти всех наших ведущих психиатров, даже директоров психиатрических клиник («Матросской тиши и др.), я знала с детства. Первой книгой, которую я прочитала в 4 года, была «История психиатрии» В.А. Гиляровского, и, конечно, ничего в ней не поняла, но в этой книге были замечательные цветные картинки, которые мне очень нравились.

Книга «Записки психиатра» впервые вышла при жизни мамы и пользовалась большим успехом. Помню, как мама ехала в полной эйфории от А. Толстого, который дал прекрасные отзывы о книге, и у нее из портфеля вытащили лаковые туфли, которые были подарком тети (сестры ее мамы).

Очень хорошие отзывы получили «Записки психиатра» и от других именитых писателей (Л. Леонова, Ф. Гладкова и др.), а также от известных психиатров (А.Д. Сперанского, В.А. Гиляровского и др.). Еще при жизни мамы (она умерла

в 1999 г. более чем в 90 лет и до последнего дня писала) эта книга была переведена и издана во многих странах мира – Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Японии и др. Значит, она была нужна читателю, Наверное, и сейчас есть целый пласт читателей, которые ее оценят.

Тем более, что мир психиатрии – мир закрытый до сих пор. В советское время психиатрия была мощным оружием, с помощью которого человека можно было и уничтожить, превратить его в овощ, и спасти.

Книга «Записки психиатра», несомненно, будет полезна не только студентам-медикам и молодым врачам, но и людям, которые столкнулись с проблемой психиатрии в практическом, бытовом применении.

Этак книга – приоткрытая дверь в таинственный мир психиатрии, с проблемами которой многим людям приходится сталкиваться в жизни.

Галина Баранова

На распутье

В психиатрическую больницу я в первый раз пришла с однокурсниками-студентами.

Обладая отличным здоровьем и веселым нравом, я не боялась ничего на свете. Уже был пройден четырехлетний путь обучения в медицинском институте. Много я видела, пережила, прочувствовала. Крики рожениц, кровь при операциях – все это уже не выводило меня из равновесия, как в первые дни. Работа в клинике, лекции, операции казались теперь обычными и необходимыми. Словом, все было хорошо до того дня, когда я с группой товарищей-студентов пришла в психиатрическую больницу.

В белых халатах мы вместе с профессором направились в «буйное» отделение, которое профессор называл «беспокойным». Щелкнул замок – такой, как в железнодорожных вагонах. Хлопнула массивная дверь. Мы, студенты, переглянулись с тревогой и волнением.

«Сейчас будет ад», – с трепетом подумала я. Прямо на нас с восторженной улыбкой, с простертыми руками, обнимающими, казалось, весь мир, быстро шел больной.

Ноги у меня ослабели. Я спряталась за спину товарища. Но больной, заметив профессора, вдруг повернулся к нему и с громкими приветствиями бросился его обнимать.

Это помогло мне прийти в себя. Сделав над собой усилие,

я более спокойно смотрела на все, что нас окружало. Теперь я увидела просторный коридор с натертым паркетным полом, а в палатах массивные кровати.

Веселый больной беспричинно радовался, вмешивался во все разговоры, остроумно вставлял свои замечания, жестикулировал и, казалось, был в курсе жизни всего отделения.

Другие больные прохаживались по коридору, одни быстро, другие медленно, что-то бормоча, порой громко выкрикивая. Один угрожающе сорвался с места, но вдруг с тревожным лицом вернулся обратно. Каждый жил своей жизнью, не интересуясь окружающими.

Я была поражена. «Буйное» отделение психиатрической больницы представлялось мне прежде чем-то страшным, куда не решишься войти, где бродят обезумевшие люди, забытые, брошенные на произвол судьбы, потерявшие человеческий облик, запертые навсегда. Такой казалась психиатрическая больница моим родителям, знакомым, приятелям. Я представляла ее по картинам английского художника Хогарта и немецкого художника Каульбаха. Это они запечатлели на своих полотнах «сумасшедший дом», обитатели которого вселяют в зрителя ужас. Один больной кого-то обнимает, другой вырывает у себя волосы и смотрит вдаль взглядом победным, восторженным и безумным, а в стороне тучный зритель с плеткой с лицом равнодушным, тупым и почти таким же бессмысленным, как у его поднадзорных.

Здесь же передо мной проходили опрятные, аккуратно

подстриженные больные, и малейшее нарушение дисциплины среди них вызывало вежливое, доброжелательное вмешательство спокойного, опытного медицинского персонала.

Правда, в этом отделении «для беспокойных» я увидела и необычное. Мы вошли в одну палату, где на кровати в неудобной позе, словно окаменев, как-то вычурно, с поднятой рукой, сидел больной. У него было лицо трупа. Напряженные, стянутые в хоботок губы, острый нос, но живые, казалось, понимающие глаза. Больной находился в таком состоянии уже много дней. Изменить его позу нельзя было даже силой.

Не страх, а глубокая жалость овладела мной. Подойдя к несчастному, я погладила его острое плечо. Под моей рукой мышцы напряглись, словно сопротивляясь. Это было так непонятно, что все другие чувства, кроме любопытства, исчезли. Я глядела на больного, как на загадку.

Принесли кружку с питьем и поставили перед больным. Два сильных санитаров бережно повернули больного, приготовили к кормлению. Перед этим палатный врач в течение 10 минут уговаривал его есть самостоятельно. Медицинская сестра поднесла питье – смесь подогретого молока, масла, сахара и сырых яиц. Давясь и сопротивляясь, больной пил глоток за глотком из ложки. А я стояла и удивлялась великому терпению медицинских работников. Я вышла из палаты и ждала товарищей у двери в коридоре.

Мимо прошел высокий бледный юноша. Он остановился

недалеко от меня и, к чему-то прислушиваясь, гневно погрозил пальцем.

В стороне, куда погрозил больной, никого не было. Я насторожилась, готовая каждую минуту убежать к товарищам. Но стало ясно, что больной занят собой, и мой страх исчез.

Мы продолжали обход. В конце коридора увидели плачущего, убитого горем старика.

– Что вы, дедушка, плачете? – спросил участливо профессор.

– Все родные мои сгорели. Давеча похоронил жену и детей.

– Но ведь сегодня утром к вам приходили жена и сын, – напомнил профессор.

– Нет, не было их. Всех матушка-земля укрыла, – заплакал старик, утирая слезы рукавами халата.

Мы увидели больного, считавшего себя философом. Небрежно перебросив через плечо, словно греческую тогу, свой халат, он шагал по коридору медленно, с гордой осанкой, видимо о чем-то размышляя.

Профессор показывал все новых больных.

Наша группа направилась в отделение «для спокойных больных». То, что мы увидели здесь, показалось еще более удивительным. Мы вошли в просторный чистый коридор. Паркет отсвечивал зеркальным блеском. На окнах висели красивые шторы, на стенах – картины в золоченых рамах. В огромном светло-голубом зале была уютно расставлена ме-

бель, столы покрыты вышитыми скатертями, в углах стояли пальмы. Все это вместе с солнечным светом, обильно лившимся в широкие окна, создавало ощущение покоя. Одни больные читали, другие беседовали или занимались ручным трудом.

У стены на диване сидел широкоплечий красивый мужчина. Тонкие, с изгибом губы, ровный нос, высокий гладкий лоб, светлые шелковистые волосы и серые глаза – все выражало полный душевный покой и что-то еще, чему я не находила названия.

При моем появлении больной вежливо встал и сел только тогда, когда я отошла. Так ведут себя воспитанные люди в присутствии женщин.

«Совсем нормальный человек!» – подумала я. – «Как он попал в сумасшедший дом? Как мало он похож на того юношу, который грозил кому-то в пространство».

Мне хотелось спросить этого человека, не произошло ли здесь врачебной ошибки?

Обход с профессором продолжался.

Я стала присматриваться к врачу отделения. В моем представлении психиатры были людьми необычными. А врач оказался простой скромной женщиной Анной Ивановной Мироновой. Она терпеливо выслушивала каждого больного и мягким, уверенным тоном давала советы. Я заметила, как после беседы с ней встревоженные выглядели более спокойными, капризные – послушными. Видимо, эта женщина

воплощала в себе врача, начальника, мать и друга. На всю жизнь запечатлелись у меня в памяти ее большие темные глаза.

Мне известна одна семья, в которой психически заболел сын. Родители приглашали врачей всех специальностей, только не психиатра. Терапевт прослушал отличные тоны сердца и объявил, что больной здоров. Невропатолог проверил живые, здоровые рефлексы и не нашел отклонений. А психиатра не звали, боясь «напугать» больного. Когда же необходимость заставила пригласить психиатра, родные скрыли это от больного, выдумав для его «спокойствия» какую-то ложь. Какое вредное предубеждение против врачей-психиатров, выполняющих большую гуманную задачу – возвращение человека к здоровой, полноценной жизни!

Пока я присматривалась ко всему окружающему, какой-то больной, извинившись, отозвал меня в сторону. У него было обыкновенное, с мелкими чертами, лицо, ясный, как у ребенка, взгляд. Шепотом, с большими предосторожностями больной сообщил мне, что он изобретатель-физик, а в «сумасшедший дом» попал по недоразумению, стараниями злых людей. При этом сунул мне в руку письмо и попросил опустить в почтовый ящик.

– Вы должны понять, – добавил он, – что в некоторых случаях бывает трудно доказать свою правоту. Вы молоды (он снисходительно посмотрел на меня). Однако если прочитаете философские повести Вольтера, то поймете мое по-

ложение и превратности судьбы. Если читали, то, наверное, помните эпизод с пропавшей королевской собачкой и лошадю. Задиг по следу определил, что лошадь хромая и пришел к правильному выводу. Однако за свою наблюдательность и откровенность пострадал.

– Да, помню, – сказала я, намереваясь продолжить беседу, но мои спутники потянули меня за собой.

Больной признательно, украдкой, пожал мне руку и, отойдя в сторону, смущенно улыбнулся.

Меня охватило возмущение. Как можно здорового человека заключить в психиатрическую больницу?

Неожиданный по своей новизне трудный день кончился. Мы уже шли к выходу, когда перед нами очутился красивый сероглазый мужчина, которого я видела раньше. На вид ему было лет сорок пять.

– Кто это? Тоже больной? – спросили студенты.

– Да, архитектор, наш старый знакомый, Иван Иванович, – сказал профессор.

Больной направился к нам нетвердыми шагами. Теперь его лицо казалось маскообразным. Беспечная улыбка, глаза, излучающие необъяснимое в этой обстановке благодушие, производили странное впечатление.

– Здравствуйте, Иван Иванович, – поздоровался профессор.

– Здрсте, – ответил больной.

– Как живете, Иван Иванович?

– Блгодарю вас, – проглатывая гласные и расплываясь в улыбке, ответил тот.

– Расскажите-ка, Иван Иванович, студентам, какой у вас характер.

– Первый сорт!

– Вы богаты?

– Да, очень! У меня денег миллионы. На днях я по своему проекту буду строить себе виллу из розового мрамора.

Больной улыбался, он был полон радостных надежд.

– И вы не огорчены, что в разлуке с семьей, не работаете, больны?

– Я совершенно здоров! – беззаботно воскликнул мужчина и, закатав рукав серого халата, продемонстрировал дряблые мышцы полной руки.

– Ну, а что будем делать дальше? – спросил профессор. Больной подмигнул и хриплым голосом запел какую-то бластную песенку.

Ему было очень весело, а мы, студенты, стояли без улыбок, с вытянутыми лицами. И, видимо, у всех, как и у меня, что-то неприятно тоскливо щемило внутри. Было обидно и жалко. Вернется ли этот человек к жизни? Неужели ему ничем нельзя помочь?

Мне хотелось скорее все узнать, и после обхода я получила у врача разрешение познакомиться с историей болезни архитектора. Мелко исписанные листки раскрыли мне целую жизнь человека со дня рождения, детства. Все было,

как у многих других детей. Дальше шло описание характера, склонностей, влечений. Учился он отлично, окончил два факультета, женился. Проработал несколько лет архитектором, был послан за границу. Человек серьезный, семьянин, он, однако, незадолго до отъезда из Парижа увлекся женщиной не очень высоких моральных качеств.

Через два месяца, возвратившись на родину, заметил на теле розовые папулы. С ужасом подумал о сифилисе, но тут же отверг эту мысль. И только спустя месяц пошел по чьему-то совету к знахарю – так называемому «тибетскому» врачу, который лечил травами от всех болезней. Тот обнаружил сифилис, но успокоил больного и дал настой из трав. Травы как будто помогли. Скоро все исчезло, архитектор успокоился.

Видя, что признаки болезни больше не появляются, архитектор стал сомневаться в диагнозе. Затем постепенно уверил себя, что это была ошибка врача, и перестал думать о неприятном случае.

Все последующие годы много работал, по его проектам было выстроено несколько хороших зданий.

Архитектору было сорок семь лет, когда сослуживцы стали замечать какие-то странные изменения в его характере и поведении. Прежде подтянутый, хорошо одетый, тактичный, вежливый, он стал неряшливым и часто необъяснимо грубым. Как-то около кассы театра в присутствии знакомых дам рассказал неприличный анекдот. Стал плохо спать, чувство-

вал некоторый упадок энергии, какую-то расслабленность, неспособность заниматься умственной работой, но был, как всегда, весел и шутлив. Незначительные промахи в работе не беспокоили его и вызывали только беспечную усмешку.

Обратиться к врачу заставили родственники. Считая свое состояние результатом переутомления, архитектор убедил в этом и врачей курортной комиссии.

Осмотрев больного, врачи обнаружили симптомы нервного переутомления, которые, как правило, сходны между собой при самых различных нервных болезнях. Архитектор на первый взгляд больше всего нуждался в курортном лечении. И, действительно, по возвращении с курорта он выглядел физически здоровевшим.

Но вот однажды в беседе с товарищами он заявил, что собирается строить виллу из розового мрамора недалеко от греческого Акрополя. Вечером, придя домой, он сделал бутерброд из хлеба с жидким мылом и стал его есть, уверяя жену, что от этого улучшается работа кишечника. Архитектора поместили в больницу.

В результате исследований выяснилось, что у больного прогрессивный паралич – следствие давно перенесенного сифилиса.

Какая страшная повесть! Как внимателен должен быть врач к больному.

«Внимание к больному будет моим главным правилом!»— обещала я себе.

Прежде, когда я слышала о прогрессивном параличе, мне представлялось, что это означает полную неподвижность. Теперь я поняла, что в основе лежит прогрессирующий процесс в мозгу, ведущий к слабоумию, что является результатом поражения коры головного мозга — органа сложного и тонкого, уравнивающего организм с окружающей средой.

Мне стало понятной сущность прогрессивного паралича. Постепенно разрушаются нервные клетки и кора головного мозга. У человека утрачиваются прежде всего самые тонкие, высшие этические и моральные свойства личности, чуткость по отношению к окружающим, стыдливость, критика своих действий.

— Что же, архитектор таким и останется? — с трепетом спросила я Анну Ивановну Миронову.

— Нет, мы его начали лечить.

— А как?

Анна Ивановна улыбнулась моему нетерпению и ответила: — Таких больных лечат гипертермическим методом — высокой температурой. Мы прививаем им трехдневную малярию — берем несколько кубиков крови у больного малярией и впрыскиваем под кожу. После десяти — двенадцати приступов с высокой температурой малярию излечивают с помощью хинина, а затем проводят специфическое против сифилиса лечение, например бийохинолом. Высокая температура ослабляет возбудителей болезни, и дальнейшее специ-

фическое лечение уже дает успех.

– И архитектор будет совсем здоров?

– Не берусь утверждать. К сожалению, болезнь запущена.

Но пока что работу меньшей сложности он выполнять безусловно сможет. И такую работу мы ему найдем.

– Но разве трудоустройство больных дело врача?

– Нет, но ведь человека надо вернуть обществу не ущемленным, а бодрым.

Усталая, взволнованная пережитым, я вышла на улицу. В кармане нащупала письмо, переданное мне физиком-изобретателем. «Надо отправить», – подумала я и уже хотела опустить письмо в ящик, как вдруг обратила внимание на то, что оно адресовано на имя известного академика. Это меня смутило. К тому же было любопытно узнать, что пишет человек, которого я твердо считала здоровым. Пришлось вернуться в больницу и посоветоваться с Анной Ивановной. Она распечатала письмо и, улыбнувшись, прочитала:

«Глубокоуважаемый Ипполит Сергеевич!

Уведомляю Вас, что личные враги засадили меня в сумасшедший дом. Они думают воспользоваться моими изобретениями. Как Вам известно, я открыл способ передачи мысли на расстоянии и для этого изобрел сплав для граммофонных пластинок, благодаря которому голос с пластинки будет слышен сразу в нескольких городах. Здесь, в сумасшедшем доме, мне строят всякие козни. Сегодня ночью враги направили из отдушины инфракрасные лучи на мой мозжечок. Ис-

чадия ада полагали расплавить его и вывести секреты. Это им не удалось, я вовремя закрылся одеялом.

Прошу, Ипполит Сергеевич, высвободить меня из этого бедлама.

Премного обязанный Вам физик-изобретатель Цирцеев». Значит, он действительно психически больной! Мне вновь представились ясные, как у ребенка, глаза, разумная речь. Выйдя от врача, я заплакала.

Домой вернулась в полной растерянности и, кажется, в первый раз в жизни по настоящему глубоко задумалась.

...Когда я однажды потеряла деньги и горько плакала, моя старая бабушка сказала мне: «Деньги потерял – ничего не потерял, здоровье потерял – половину потерял, ум потерял – все потерял». Не сразу я поняла горькую мудрость этой пословицы. Поняла и другое: потерянный ум можно найти...

Прошел год. К моменту выбора профессии мне было ясно, что я не в состоянии оставить трудную, но увлекательную задачу – изучать психическую деятельность человека и возвращать его к трудовой жизни.

Так, время, проведенное в психиатрической больнице, определило мое будущее.

Я стала с особым чувством приглядываться к окружающим меня людям, вслушиваться в их речь. Резкие реплики, споры, недисциплинированность – все казалось мне проявлением ненормальности. Самые умные и нормальные на мой взгляд люди в разных ситуациях жизни зачастую совершали

неумные, необдуманые, а иногда и ненормальные поступки. По учебнику психиатрии все укладывалось в строгие четкие рамки классификации. Живой больной с его страданием оказался куда сложнее. Вот здесь и трудно выпутаться из противоречий, которые возникают на каждом шагу. На помощь приходили книги, беседы со старшими товарищами. Это обогащало, но меньше, чем общение с больными. Лекции профессоров и врачей клиники очень много прояснили. Но все-таки окончательно разобраться в трудных вопросах помогла мне сама жизнь, практика.

Спустя два месяца после знакомства с «сумасшедшим» Цирцеевым я встретила его на улице. Он шел с видом занятого человека с портфелем в руке.

«Интересно, сумасшедший разгуливает по улицам?» – удивилась я и решила пройти мимо.

Цирцеев меня узнал, подошел и «нормально» заговорил.

«Знаю, что у тебя бред и теперь меня обмануть трудно!» – подумала я. В зачетной книжке у меня по психиатрии стояло: «отлично».

– Что вы сейчас делаете? – спросила я заинтересовавшись.

– Работаю физиком в научно-исследовательской лаборатории.

– Работаете? – вырвалось у меня.

– Конечно... Вот отпечаток моей последней научной работы.

Цирцеев не спеша открыл портфель и показал мне печатный отпечаток монографии.

Когда же вы успели написать?

Работу я закончил до болезни, а сейчас пришлось только немного выправить...

— А как те... которые направляли на ваш мозжечок инфракрасные лучи? Помните, вы даже передали мне письмо?

На его лице появилось разумнейшее выражение снисхождения к моей глупой бестактности.

— Надеюсь, вы тогда передали письмо врачу?

— Да...

— Очень признателен... Вам теперь должно быть понятно, что я был тяжело болен...

— И... Сейчас вас уже ничто не беспокоит?

— Как видите... Абсолютно здоров.

Очевидно, беседа со мной не доставила Цирцееву удовольствия. Он вежливо приподнял шляпу и твердыми шагами пошел вперед.

Я медленно побрела в обратную сторону, но шаги, помимо моей воли, делались все быстрее. Мысли кружились беспорядочным, но веселым вихрем: «И зачем профессор поставил мне в зачетной книжке „отлично“? Разве я „отлично“ знаю психиатрию? Конечно, нет! Но знать ее я непременно буду! Беснадежных нет! Есть ради чего жить и работать».

Свернув вправо, я оказалась перед массивной дверью психиатрической клиники. Возникла мысль поделиться впечатлениями с Анной Ивановной. Мне пришлось ее подождать. Пыл немного остыл.

Она встретила меня радушно и провела в свой кабинет. Там на диване сидел мужчина, который при нашем появлении встал и вежливо поклонился.

– Ну, значит, выписываемся? – весело спросила Анна Ивановна.

– Да, благодарю вас! – улыбаясь, живо ответил мужчина, в котором я сразу узнала архитектора.

Но что произошло? Я была живым свидетелем перерождения человека. Слово «благодарю» он произнес правильно, не пропуская букв. Лицо стало более осмысленным, хотя бладушная улыбка, может быть, и не совсем подходила к данному моменту. Поведение этого человека было вполне «здоровое». Из заключительной беседы архитектора с Анной Ивановной я поняла, что у него ослаблена память, что он еще склонен принимать невозможное за возможное, но искренне радуется своему выздоровлению и мечтает о любимой работе.

– А помните, Иван Иванович, как вы собирались воздвигнуть виллу из розового мрамора?

– Заскок, Анна Ивановна, – смущенно улыбнулся архитектор и, пожав нам обеим руки, ушел бодрый и спокойный.

– Анна Ивановна, это чудо! – не выдержала я.

– Да, чудо, – серьезно ответила она. И, помолчав, добавила, – но оно в наших руках.

Попутчики

Я только что сдала государственные экзамены. Пять лет упорного труда над книгой, в клиниках и лабораториях были позади, оставалась только одна забота: куда же ехать работать врачом? Выбор большой. Глаза разбегаются! Миновали и последние студенческие каникулы, которые я провела у родителей на юге, а теперь возвращалась в Москву.

В вагоне поезда было жарко, за окном мелькали поля спелой ржи. Попутчиков было мало. Скоро, как это бывает в поезде, с ближайшими соседями установились самые дружеские отношения.

В моем купе ехали две женщины. Одна из них врач Анна Петровна, другая – старушка Ольга Ивановна – фельдшерица. Обе направлялись из Таджикистана в Москву.

Кажется, ничего особенного не было в Анне Петровне. Худощавая блондинка с серыми спокойными глазами, с тихим голосом, неторопливыми движениями. И однако хотелось смотреть на нее, слушать ее голос.

– Вы из Таджикистана? Какая даль! – воскликнула я.

– Ну, что за даль... – возразила Анна Петровна. Ее лицо оживилось и разгладилось складка между размашистыми бровями. Старушка заснула, слегка покачиваясь от движения вагона.

– Я много читала и слышала о Таджикистане, – поспешила

я предупредить.

– Да, природа и жизнь там особые... – уклончиво заметила попутчица.

– Должно быть, интересно посмотреть на караван верблюдов? – не отвыкшая от девичьего многословия, сказала я. – Они ведь очень важные, степенные; не идут, а выступают. А на шее у каждого, наверное, звенит колокольчик, словно говорит: «Давайте дорогу!» А верблюды глядят гордо, строго, свысока... Очень занятно, правда? – наконец, остановилась я.

– Да, верблюды действительно смотрят свысока, да еще и плюют на нижестоящих.

В спокойных глазах Анны Петровны промелькнула усмешка, а я от всего сердца рассмеялась. – А тигры у вас ведь тоже есть?

– О тиграх что-то не слыхала, разве на границе Афганистана? Дикие козы – джейраны водятся. До чего грациозное животное, изящное и любопытное создание! Едете вы, скажем, на автомобиле, они пугливо пересекут на всем скаку дорогу или обгонят машину, а потом вдруг замрут на месте, как вкопанные, и долго-долго провожают нас взглядом огромных черных глаз. Если джейранов испугнуть, они, конечно, удерут, но обязательно остановятся опять и снова будут глазеть вам вслед. Любопытство сильнее страха, прямо, как у малых ребят, – улыбнулась Анна Петровна.

– А как живут таджики? Должно быть, сидят у кибиток в

шелковых халатах, белых чалмах?

– Мужчины любят проводить свободное время в чайхане (чайной). Они обычно мирно беседуют и пьют кок-чай – зеленый чай.

– Это в пятидесятиградусный зной?!

– Удивляетесь? Я сперва тоже удивлялась, а затем и сама пристрастилась. Зеленый чай лучше всех напитков утоляет жажду.

– Мне рассказывал один человек, – заметила я, – что природа в Таджикистане прекрасная... Я представляю себе во круг хлопковые поля. Тишина необычайная. Кажется, ни одного живого существа, а присмотришься, и вдруг мелькнет стройная дехканка, заметит вас, улыбнется, показав белые крепкие зубы, обожжет взглядом черных глаз, блеснет серебром сквозь шелк платка, взметнутся длинные смоляные косы, и до свидания! Только ее и видели... А кругом вьется виноград, зреют сочные гранаты... Надоело здесь жить, сел на коня и поехал на «Крышу мира» – на Памир... Вы там были?

– Пришлось... – сдержанно ответила Анна Петровна.

– Представляю себе... Я видела даже фотоснимки. На покатых горах метаящий снег, а у подножия яркие цветы, наверное особенно много красных маков. Едешь, тропинка ведет все выше и выше, взглянешь вниз – без привычки, конечно, закружится голова... Страшно, должно быть, если на повороте лошадь неловко шагнет. А на дне пропасти рвется пенистая речка и такой грохот стоит, что не услышишь и

попутчика... А то вдруг среди гор откроется глазам зеленая долина, а на ней стадо тучных, таких ленивых овец.

Анна Петровна вдруг рассмеялась тихим, добродушным смехом.

– Вы так рассказываете, словно все это видели своими глазами.

– А разве там иначе?

– Несколько лет тому назад, например, долина Вахш представляла собой безводную пустыню с обитателями: пауками-фалангами, ящерицами и скорпионами...

– Неужели? А теперь что там?

– Прорыли канал, пустили воду из реки Вахш... Теперь не только хлопок, но и виноград растет...

– Ой, как интересно! Анна Петровна, а где вы жили прежде?

– В Москве...

Не зная предела своему любопытству, я спросила:

– А почему теперь в Таджикистане?

– Да, видите ли... перед тем как мне окончить медицинский институт, погиб мой муж... летчик... а скоро и ребенок наш... умер... вот и не могла... все напоминало...

Голос Анны Петровны стал глуше, взгляд строже, а между бровями снова залегла складка. Я заметила, как дрогнули ее бледные губы.

– Анна Петровна! Расскажите о вашем сельском участке, – поправляя свое неуместное любопытство, попросила я.

– Ну, что же, – без улыбки сказала Анна Петровна. – Приехала я в районный центр Файзабад. Запущенный одноэтажный дом с мусором вокруг и представлял собой сельскую амбулаторию.

– И много было там врачей?

– Ни одного... Работали в амбулатории только Ольга Ивановна, медсестра-переводчица Тамара, да две санитарки.

– Наверное, обрадовались вашему приезду?

– Вначале не очень. Встретили с оглядкой... – Анна Петровна вздохнула и продолжала: – В институте меня, видно, как и вас, обучили всем наукам, кроме одной: как обходиться с людьми...

– Да... Этому нас не обучали.

– А вот, слушайте. Начала слишком горячо, требовала я сразу много. Ольга Ивановна крутовата нравом. Вот и нашла коса на камень... Не успела я освоиться, как выяснилось, что в дальнем кишлаке появился один случай оспы. Небывалый уже в те годы случай. Потребовала, чтобы пожилая Ольга Ивановна с санитаркой выехала в горные кишлаки, в селения. Она сказала, что не умеет ездить верхом на лошади. Я сочла это актом непослушания и разгорячилась. Не умея ездить верхом на лошади, я взяла с собой комсомолку-таджичку, санитарок и медицинскую сестру Тамару со всем необходимым для противооспенных прививок.

– Что же было дальше? – торопила я.

– Так все и поехали... Целую неделю проводили привив-

ки. Уже заканчивали работу, когда кто-то распустил слух, что русские прививают смерть... — Анна Петровна откинула за ухо светлый завиток волос. — Плохо нам пришлось... Таджики перед нами захлопывали двери кибиток. В отдельных случаях мы делали прививки с большим трудом, долго приходилось убеждать и уговаривать. Никто не хотел продать лепешку или яблоко. В одном кишлаке после прививок несколько темных личностей проводили нас градом камней... Лошадь захромала от ушиба... Едва ускакали...

— А потом?

— Сколько друзей приобрела я потом в этом кишлаке. Но в тот раз после окончания прививок от непривычки к верховой езде и переживаний я заболела, чувствовала себя разбитой. Два дня не поднималась с постели. А Ольга Ивановна не отходила от меня, а потом во всем заменила мне родную мать. С оспенных прививок и началась для меня врачебная практика.

— И оспы больше не было?

— Нет. А через две недели приехал к нам инспектор министерства с приказом срочно провести прививки населению района, где наблюдался случай оспы... А мы уже провели.

— Вы много больных принимали?

— Конечно, только без учета часов и праздников.

— Как же это так?

— А так, с утра и пока всех не примешь. Ведь не откажешь больному, если он проехал километры. А то привезут роже-

ницу или человека, укушенного скорпионом...

– Наверное повидали разных больных?

Анна Петровна взглянула в окно вагона на плывущую даль степи.

– Пришлось повидать многое... Это, конечно, было до того, как оросили долину реки Вахш. Тогда в Таджикистане еще было мало врачей. У меня на глазах умирал от боли в животе дехканин, а я так и не знала от чего, потому что было похоже и на аппендицит, и на заворот кишок, а может быть, и на перитонит, а около нет не только профессора, а просто врача постарше тебя. Вот тогда и начала мыслить, сопоставлять, осторожно действовать, чтобы не повредить. Много было и бессонных ночей. Не отходила от постели больного. И, представьте, нашла причину болезни, помогла, и дехканин выздоровел. Сама не верила.

– Как хорошо, что вы его сделали здоровым!

– Не одна, а вот с ней и с другими, – кивнула она в сторону дремлющей старушки. – Она опытная – бывшая хирургическая сестра, чудесный человек и хороший помощник. На первых порах именно с ее помощью я начала приобретать опыт. Научилась принимать роды, вправлять вывихи, переливать кровь, делать внутривенные вливания и умела уже многое другое, чему так хорошо учит жизнь, практика... Да разве практика сельского врача только в этом? Он самый беспокойный человек в районе. Если в сельпо продают недоброкачественные продукты, врач запрещает их про-

давать. Нет на хлопковом поле медицинского пункта – надо его организовать. Сельский врач – это и неотложная помощь, и скорая. Он обязан устранить боль и не допустить безвременную смерть. Вот здесь и началась врачебная практика.

Анна Петровна без улыбки внимательно взглянула на меня и сказала:

– Если вас не утомит, я расскажу один случай...

– Утомит? – Да я готова слушать целую ночь!

– Должна вам заметить, что осень в Таджикистане очаровательна. В это время поспевает хлопок, зреет виноград, наливаются соком гранаты.

– А зима в Таджикистане бывает?

– Конечно... только она особая. Самое неприятное зимой – это ветер! А вот дождь пойдет, так льет, льет недели, даже вспомнить скучно. Снега почти не бывает. Вам не хочется спать?

– Нет, что вы?! – искренно заверила я.

– Однажды... в очень сырой ноябрьский вечер постучала ко мне в амбулаторию старуха-таджичка и объяснила, что у нее умирает внук, сирота Али.

Анна Петровна приподняла брови, как человек, который что-то припоминает, и взглянула в окно на красноватый закат.

– Такие посещения бывали частенько, и мы никогда не отказывали в помощи. Но как раз в этот день сравнялся год, как умер мой сын. Ольга Ивановна, видимо, и не сомневалась,

что и на этот раз визит состоится, и стала собираться вместе со мной в путь. Трудно мне было в этот день. — Анна Петровна вздохнула и продолжала — Ольга Ивановна — опытная помощница. Она захватила даже маленькую походную лабораторию и все, что может понадобиться. Мне казалось, что лошадь идет слишком медленно, а кишлак неизмеримо далеко... Под проливным дождем, накрытые брезентом, мы пробирались через ущелье горы и приехали на рассвете. Хрупкий, курчавый мальчик, лет пяти, лежал без чувств. Я с трудом посчитала его слабый пульс, послушала сердце, легкие, прощупала большую плотную селезенку. Картина ясная — тяжелая форма малярии.

По-видимому, он болел давно. Наша походная лаборатория дала нам возможность определить у мальчика тропическую малярию. Мне стало ясно: он умрет, если не применить срочного переливания крови. Пока Ольга Ивановна вводила больному под кожу сердечное средство, я взяла капельку крови из пальца больного и определила группу. Моя кровь — первой группы и ею можно было воспользоваться. стакан крови для меня особого значения не имел, а мальчика это могло спасти.

Ольга Ивановна расстелила салфетку, обмыла спиртом мою руку и руку мальчика, приготовила инструменты и с ее помощью часть моей крови была перелита мальчику. Когда к нему вернулось сознание, я уехала домой.

Ольга Ивановна осталась выхаживать больного, как выха-

живала всех, кто оставался на ее руках. Через несколько дней я снова провела маленького пациента. Переливание крови и последующее лечение дали ожидаемый эффект.

– И мальчик совсем выздоровел?

– Да. Но малярией болели многие другие, а охватить их всех лечением я была не в состоянии. Вот и пришла мысль организовать малярийную станцию со стационаром.

– И вам пришлось организовать?

– Вы думаете это так просто? – ответила она на вопрос вопросом. – Ведь именно этому ни меня, ни вас не учили. Правда?

– Да, – согласилась я, недоумевая, однако, почему организовать больницу в селе должен сам врач. Мне известно, что больницы открывают различные учреждения, органы здравоохранения, а при чем тут врач, который должен прийти на готовое? В то же время выходит, что именно сельский врач и является главным организатором больничного дела... Непонятно!

Анна Петровна продолжала:

– Эта мысль не давала мне покоя. Вот и стали мы с Ольгой Ивановной частыми посетителями сельсовета, райздрава, а один раз, сытые обещаниями, взяли да и катнули в столичный город Сталинабад, в Министерство здравоохранения. Добились разрешения и назад. Однако здесь трудности и начались... Какая же это малярийная станция – больница, если окна без сеток, а вокруг видимо-невидимо стоячих

болот с малярийными личинками комаров. Значит, надо их обезвредить? А для этого где достать парижской зелени или обыкновенной нефти?

Анна Петровна облокотилась на вагонный столик и между ее бровями залегла складка.

— Вот и пошла я на поклон к директору совхоза. Показала ему в цифрах, сколько у нас малярийных больных. Убедила не сразу. Пришлось убеждать через райком партии. Потом дал не только нефти, но и комсомольцев на подмогу. Весь наш персонал нефтевал болота...

— А сетки для окон вам прислали?

— Нет. Мы их нашли в одном соседнем хозяйстве, куда их завезли для оранжереи, да так они и валялись без дела... Долго уламывали председателя колхоза, да так и не уломали, пока он в обмен не получил от нашего сельсовета горбылей для постройки... Только тогда и дал нам сетки, а в придачу овощные лейки, которые мы приспособили для нефтевания. Открыли пункт. Вначале не управлялись, было много больных. Анна Петровна прямо взглянула мне в глаза и сказала: — Но больных становилось все меньше, пока малярию не свели на нет. Нашему опыту приехали поучиться даже научные работники Тропического сталинабадского института. Изучали и проверяли, как мы расправились с малярией.

— А что с тем больным мальчиком?

Анна Петровна вскинула на меня свои серые спокойные глаза.

– Мальчик Али выздоровел. В ту зиму его отец-чабан упал в ущелье и разбился, а единственная родственница – бабка умерла... Ну вот, мы с Ольгой Ивановной и определили его в Суворовскую школу. Теперь учится, постоянно нам пишет... А вот и Ольга Ивановна проснулась, – произнесла рассказчица и ласково взглянула на старушку.

Ольга Ивановна на секунду зажмурила свои темные живые глаза и вдруг улыбнулась. Лицо ее выглядело добрым и немного лукавым. Она поправила выбившиеся пряди седых волос из-под косынки.

– Вишь, сплю без конца, старая, – ворчливо заметила она и бодро, не по летам, поднялась. – Сейчас будем есть дыню! – Ольга Ивановна выкатила из-под сиденья желтую большую дыню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.